

УДК 130.2 *Людмила Саввина, Марина Саввина*
**К ВОПРОСУ О ГУМАНИЗМЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ:
 ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
 ЭКОНОМИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В
 ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ**

Автори аналізують ціннісні пріоритети і установки ринкової економіки пострадянських держав як феномена, що має не тільки соціальну сутність, а й духовний аспект. Автори розглядають проблему діалектичного взаємозв'язку ринкової економіки та суперечливого розвитку в рамках глобалізації сучасної освіти в контексті гуманістичних цінностей і мотивів.

Ключові слова: *глобалізація, постіндустріальне суспільство, філософія економічних цінностей, відповідальність, моделі споживання, гуманізм в освіті».*

Авторы анализируют ценностные приоритеты и установки рыночной экономики постсоветских государств как феномена, имеющего не только социальную сущность, но и духовный аспект. Авторы рассматривают проблему диалектической взаимосвязи рыночной экономики и противоречивого развития в рамках глобализации современного образования в контексте гуманистических ценностей и мотивов.

Ключевые слова: *глобализация, постиндустриальное общество, философия экономических ценностей, ответственность, модели потребления, гуманизм в образовании.*

Value priorities and the installation of post-Soviet states' market economy as a phenomenon that has not only a social nature, but also the spiritual aspect, are analyzed. The problem of the dialectical relationship of the market economy and the controversial development of the globalization of modern education in the context of humanistic values and motives is considered.

Keywords: *globalization, post-industrial society, philosophy of economic values, responsibility, consumption patterns, humanism in education.*

Стремительное нарастание мирового глобализма (европеизации) в начале XXI века выводит на первый план среди других глобальных проблем современности проблему сохранении духовно-нравственной природы человека. Определяя значимость культуры как фактора развития современного общества, Л. Харрисон писал «...почему одни страны и этнические группы живут лучше, чем другие?». Он определил причину: «...главным различием между этническими группами являются ценности и установки – культура» [11, с.16]. Обычно нации консолидируются при наличии общей идеи: это или большая опасность, или большая гордость

У советских людей было много исторических событий и достижений, вызывавших чувство гордости. Часть их осталась в прошлом, часть оказалась иллюзией. Новый эксперимент в России – построение демократического социализма – не вселяет надежды на успех [12, с. 22].

Рыночная модель основана на ответственности индивида за свою судьбу. В своем повседневном поведении гражданин может занимать две позиции по отношению к себе и внешнему миру: позицию ответственности и позицию жертвы. Либо он считает, что ответственен за все, что с ним происходит, либо винит во всем внешние факторы. Менталитету граждан постсоветского пространства гораздо ближе позиция, основанная на патернализме и ответственности власти за все происходящее [12, с. 24].

Нужно признать, что труд в Украине, России, Приднестровье не стал основой благосостояния индивида. Главным инструментом позиционирования в России является не собственность и труд, а власть. Отсутствие уважения к труду и частной собственности не стимулирует к сбережениям. Население и особенно элиты – представители бизнеса и власти – все больше нацелены на рост потребительских доходов. Существуют две основные модели потребления: «западная», в которой высокая производительность труда сочетается с высоким уровнем потребления, и «восточная», где низкая производительность труда соответствует порой нищенский уровень потребления благ. Российский, украинский вариант оказывается самым рискованным: при низкой производительности труда мы претендуем на высокий уровень потребления. Стандарт неразумного потребления задается в обществе сверху [12, с. 25].

Мотивацию и приоритеты системы образования в России, обслуживающего рыночную экономику, определил Министр образования России А.А. Фурсенко: «...недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами других» [9, с. 74].

Создать мотив к труду и накоплению крайне сложно, особенно в обществе, вышедшем из социализма. Разрушить мотив и создать мотив к дележу и потреблению намного проще. Надо создавать правильные мотивы. Создавать условия, чтобы в обществе хорошо жили те, кто работает. Формировать ответственность индивида за собственную судьбу. Важно рассматривать все, что делает государство, с точки зрения воздействия на мотивы людей [12, с. 25].

Как предупреждал С.Н. Булгаков еще в 1912 г., субъектом хозяйства, носителем хозяйственной функции может быть в конечном итоге «только... живое единство духовных сил и потенций» [1, с. 256]. В еще большей степени это относится к современному миру и тем более к России, особенно если иметь в виду развитие подлинной экономической культуры. Вся русская философия хозяйства и собственности развивает здесь главную мысль о том, что «собственность, по природе своей, есть начало духовное, а не материальное [2, с. 303-304]. Но не стоит забывать, что в хозяйственно-экономической деятельности творится не только культура, но и политика как источник ее антипода – отчуждения [3].

Главенствующая роль в будущем цивилизации принадлежит духовным, нравственным ценностям и нормам, которые текущая глобализация отодвигает на обочину человеческого развития [6, с.270]. Только образование может спасти человека от всеобщей инфантильности, ибо оно стимулирует рост и взросление сознания [6, с.184]. Образование реализует две важнейшие общественные функции: 1) призвано воспроизводить социально-профессиональный состав, социальную структуру общества, 2) поддерживать и развивать культурное наследие и духовный потенциал [6, с. 215].

Потеря интереса и доверия общества к образованию детерминируется, выделил рядом глубинных причин:

- неприемлемая для высокоразвитого общества тенденция к «тотальной коммерциализации» образования и науки;

- снижение веса образования и науки в общекультурном формировании и развитии общества;

- тотальная коммерциализация образования в целом, университетов в первую очередь, ориентируют общество на производство предельно практического, утилитарного знания;

- интеллектуальный передел мира, который ускорился после окончания «холодной войны», который включает в себя три стороны:

- а) перераспределение интеллектуального потенциала человечества между странами;

- б) перераспределение интеллектуального знания между областями знания – естественнонаучного, гуманитарного и внеаучного;

- в) перераспределение интеллектуального потенциала между образовательными, научными и культурными учреждениями, с одной стороны, деловой и производственной сферами, т.е. сферами, не производящими нового знания, с другой стороны [6, с. 192-193].

Система образования в советское время была встроена в общую социально-экономическую систему государства. Она имела гигантскую «избыточность», например, из миллионов выпускников технических вузов

получалось не слишком много хороших инженеров и вовсе ограниченное число «генераторов» нашего тогдашнего прогресса. Вузы давали в основном только научную базу, теоретическую подготовку будущего инженера. Итогом осуществления всех этих принципов было формирование разносторонних мобильных специалистов, которые могли решать задачи невероятной сложности. Однако такие качества работников социалистическому обществу не были нужны (идеологически вредны любые посторонние идеи в умных головах) [4, с. 66].

Следствием этой ситуации стало нарушение принципов гуманизма, в основе которого лежит право каждого индивида не только на получение доступа к знаниям и образованию, но и его дальнейшее развитие с учетом способностей. В 1957 г. в вузах СССР на гуманитарных факультетах, а также на механико-математическом и физическом факультете МГУ при несложных экзаменах у наиболее подготовленных (способных) абитуриентов не было возможности выделиться. В результате они терялись среди множества студентов, набравших 25 баллов, и могли оказаться среди непринятых [4, с.72].

Рискованные реформы образования при Н.С. Хрущеве и ошибочные решения в образовании (Закон 24 декабря 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью») предусматривали упразднение 9-10 классов средней школы. После 8-го класса молодежь отправлялась на производство, поощрялось совмещение работы с учебой в вечерней школе. Последствия таких реформ проявили себя далеко не сразу [4, с. 73].

Логическим следствием пренебрежения советских чиновников от образования к вступительным экзаменам при приеме в вузы стало убеждение, что в вузе могут учиться все, кроме умственно отсталых. В отдельные годы имелась многочисленная категория абитуриентов, которым было достаточно набрать все тройки на вступительных экзаменах для зачисления в ведущие вузы страны. Имелось в виду, что нет плохих учеников, есть плохие учителя [4, с. 57].

Таким образом, средняя школа перестала выполнять селективную роль. Аттестат зрелости перестал означать, что его обладатель способен учиться в высшей школе. Требование «учить всех» было понятно и его выполнение легко проверялось. Требование «учить хорошо» вроде бы тоже понятно. Все должны усваивать школьную программу. Но как это проверить? На экзаменах. В общем, возникла характерная для бюрократизированной системы ситуация - выполнение требований к средней школе «учить хорошо» проверяла сама школа - по выпускным экзаменам, по отсутствию отсева и т.д. [5, с. 61].

В 1969 г. в СССР были образованы подготовительные отделения, которые принимали молодых людей, имеющих производственный стаж, прочувшившись с вузовскими преподавателями год и сдав экзамены на тройки, молодой человек зачислялся в вуз. Почему у него должно было быть преимущество перед теми, кто не занимался с преподавателем и сдал лучше? [5, с. 95]. Таким образом, в советской системе образования принцип равенства учеников и студентов в получении образования подменял и дискредитировал принцип гуманизма как основы духовного развития, самосовершенствования, обновления – необходимых факторов взросления индивида и формирования личности.

Современная система образования на постсоветском пространстве переживает серьезные трудности. Кто приходит из школы в вуз? В большинстве случаев только подготовительные курсы и репетиторы подтягивают выпускников школы до необходимого для поступления уровня. Но это уровень, необходимый для сдачи экзаменов. Ни глубины, ни универсальности подготовки современная школа, как правило, не дает. Учебный процесс и в школе, и в вузе стал именно процессом, причем внешним по отношению к студенту [7, с. 97].

В советское время существовали антистимулы хорошей работы. При почти одинаковой зарплате у лучших и худших работников, имело смысл работать как можно меньше [7, с. 99]. Несомненно, дискредитация стимулов к эффективному труду и достойной оплате за него, «уровниловка» не способствовала гуманизации труда и его производительности, не повышали достоинство и чувство самостоятельности работника, гражданина.

Все это также формировало чувство социальной несправедливости в общественном сознании людей, что находило отражение и в отношении к образованию, профессиональному росту, кардинально меняя мотивацию к получению образования на протяжении многих десятилетий. Существует мнение, что положение в образовании спасет всеобщая компьютеризация. Надо понять - чего мы хотим. Надо, чтобы школьники отдавали себе отчет, что компьютер все же лишь инструмент. И он сам ничего не создаст.

Очередная панацея – «болонский процесс». Двухступенчатая система образования обеспечивает скороспелую специальность, которую легко получить и сменить. И от самого обучаемого ни «семи пядей», ни больших усилий не требуется. Но это все-таки подготовка «квалифицированных технических ремесленников», это то, чем в прежние годы занимались продвинутые ПТУ и техникумы. Неизвестно, как изменятся требования к специалисту в ближайшие несколько лет. Как раз добротное среднее и

вузовское образование и может создать надежный фундамент для позднейшего перепрофилирования специалиста.

Когда общество на переломе, нельзя определить, какие специалисты будут нужны хотя бы лет через десять. Безусловно, рыночные отношения оказывают влияние на систему образования. Но рынок и в более простых случаях работает неудовлетворительно. Тем более – в образовании, где результат не скоро, а критерии размыты.

Скороспелые реформы образования опасны. Эксперименты в системе образования – это знамение нашего времени. Система образования консервативна. И это ее ценное свойство. Она создает культуру. Методы образования нельзя менять по прихоти малообразованных экспериментаторов.

В системе образования поменялись приоритеты. Многие ученики школ лишь теоретически понимают, что когда пойдут работать, деньги им будут платить не за оценки в дипломе, и даже не за знания. И даже не за умения их применять... за умения решать те проблемы, которые волнуют шефа. А вот решать реальные проблемы их почти не учат. На деле учащиеся больше всего заботятся об оценках. Ничему нельзя научить насильно [7, с.102]. Это не от того, что дети ленивы и нелюбопытны. Необходимо создать мотивацию. Невозможно создать мотивацию в стране, которая не знает, куда идет и зачем.

Проблемы среднего и высшего образования сказываются и в развитии российской науки. Получившие образование в СССР и сложившиеся в ней исследователи в настоящее время добиваются выдающихся успехов в иной социальной, научной, технологической, организационной среде [8, с. 87].

Науку новой России Министерство образования видит как область деятельности, для которой должны быть присущи: спортивный характер - публикации, рейтинги, цитируемость, а не дело, не важные результаты, не исполнение мечты [8, с.89]. Наука трактуется как инструмент для заработка, как бизнес. Отсутствует целеполагание и приоритеты. Качество подготовки специалистов тоже утратило свое значение [10, с. 34-35]. Острый комплекс национальной неполноценности многих руководителей науки и образования заставляет их некритично перенимать западные модели. Способствует ли такое положение утверждению гуманизма как в системе образования, там и в целом в обществе? Риторический вопрос!

1. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Русская философия собственности (XVIII-XX вв.) / Авт.-сост. К. Исупов, И.Савкин. - СПб., 1993.- С. 290-305.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. - М., 1990.- 412 с.

3. Выжлецов Г.П. Философия экономических ценностей // Евразийский Международный научно-аналитический журнал. Проблемы современной экономики.- 2005.- № 3/4 (15/16).- Электронный журнал [http:// www.m-esopotyu.ru/issue.php?num=15](http://www.m-esopotyu.ru/issue.php?num=15).
4. Гольдфаин И. Об отдаленных последствиях лысенковщины // Знание-сила.- 2014.- № 7.- С. 69-74; № 8.-С.57 – 63.
5. Гольфаин И. Куда был выписан звездный билет // Знание - сила. - 2014.- № 9. – С.89 -95.
6. Икеда Д., Садовничий В. На рубеже веков. Диалоги об образовании и воспитании.- М.: Изд-во МГУ, 2004.- 272 с.
7. Красносельский С. Инженеры для наукоградов // Знание - сила - 2014.- № 9.- С. 96-103.
8. Малинецкий Г. Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых! / Знание - сила.-2014.- № 10.- С. 86-91.
9. Медовников Д. Научные нужды страны //Эксперт.- 2014.- № 11.- С. 72-76.
10. Фиговский О. Куда идти, как идти? Инновационное развитие для России... или для Китая? // Знание-сила.- 2014.- № 11.- С. 30-36.
11. Харрисон Д. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике.- М.: Новое издательство, 2008.
12. Чиркунов О. Экономическое чудо: рынок и культура // Вопросы экономики.- 2010.-№ 9. - С. 15-25.